

Д. В. Саввин*

Читинский процесс 1930–1931 годов по делу «контрреволюционной организации, возглавляемой епископом»

Рубеж 1920-х и 1930-х гг. ознаменовался в СССР новой волной масштабных гонений на православную Церковь. После короткого периода политико-экономической «оттепели» и «церковного нэпа» советское руководство снова перешло к политике репрессий. Забайкальская епархия до 1922 г. находилась за пределами территории РСФСР, поэтому ей удалось в значительной мере избежать первых двух этапов масштабных гонений: периода военного коммунизма и периода изъятия церковных ценностей. Третья волна антицерковных репрессий коснулась православной Церкви в Забайкалье в полной мере и привела к уничтожению Забайкальской епархии, общины которой перешли к Иркутской кафедре.

Самым мощным ударом, нанесенным по православной Церкви в Забайкалье, был инициированный читинским оперативным сектором ОГПУ процесс по делу «контрреволюционной организации, возглавляемой епископом» Евсевием (Рождественским)¹, которая ставила «своей конечной целью свержение власти советов вооруженным путем». Процесс проходил в конце 1930–1931 гг.² О значимости данного дела говорит хотя бы тот факт, что обвинения помимо бывшего правящего архиерея были предъявлены многим известным в Чите и Забайкалье священнослужителям, а общее число обвиняемых составило 238 человек³. Этот процесс скупо освещен в литературе. В 2001 г. забайкальский историк-краевед В. И. Василевский на научно-практической конференции «Иннокентьевские чтения» представил доклад «Главный обвиняемый — епископ Забайкальской епархии Евсевий»⁴. Проблема затрагивалась также в 2 моих статьях⁵. Необходимость повторного обращения к данному сюжету связана с введением в научный оборот новых материалов.

Среди причин начала процесса против Читинского епархиального духовенства и архиепископа Евсевия (Рождественского) можно назвать всплеск

* © Саввин Д. В., 2010

Дмитрий Владимирович Саввин, Санкт-Петербург.

антисоветского повстанческого движения в сельских районах РСФСР в конце 1920-х — начале 1930-х гг., вызванный коллективизацией. В следственных материалах записано: «В начале октября м[еся]ца 1930 года чит[инским] оперсектором были получены данные, говорящие о наличии в Нерчинском, Шилкинском, Жидкинском, Улётовском и Титовском р[айо]нах повстанческих тенденций. Особенно резко повстанческими настроениями был заражен Нерчинский район и сам гор[од] Нерчинск»⁶. К «повстанческим тенденциям» и «антисоветской агитации» карательные органы могли причислять выступления (в большинстве случаев не выходявшие за рамки советских законов) против антицерковных акций властей (см. Приложение 1).

Епархиальная власть прилагала все усилия, чтобы отвести от себя подозрения в «антисоветской деятельности». Епископ Евсевий, будучи последовательным сторонником Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), вскоре после прибытия на Читинскую кафедру 27 ноября 1927 г., распорядился распространить в епархии «Декларацию», изданную в 1927 г. митрополитом Сергием и Временным Священным Синодом⁷. В связи с начавшимися в 1930 г. арестами архиепископ Евсевий 14 февраля выпустил распоряжение благочинным, в котором говорилось: «Полученные мною сведения об аресте отдельных лиц из подведомственного мне духовенства и газетные заметки, обвиняющие некоторых из них в нарушении лояльного отношения к соввласти, обязуют меня напомнить духовенству своевременно опубликованное по епархии циркулярное распоряжение Высокопреосвященного Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия... о необходимости лояльного отношения... духовенства к соввласти... уменьшение числа работников на ниве Христовой не в интересах церковного дела»⁸. Но эти шаги по большому счету ничего уже не могли изменить. Незадолго до начала массовых репрессий против священнослужителей были арестованы и вскоре приговорены к смертной казни известные в Чите и во всей Забайкальской епархии священники — протоиереи Николай Любомудров и Петр Булгаков. Если о. Петр был, насколько можно судить, аполитичен, то о. Николай отличался антисоветскими, монархическими взглядами и был очень близок к архиепископу Евсевию⁹.

Весной 1930 г. на весь Советский Союз прогремело «дело промпартии», которое стало для правоохранительных органов эталоном того, как должна выглядеть и из кого состоять «контрреволюционная организация», а главное, как она должна «разоблачаться» и ликвидироваться. Очевидно, именно на «дело промпартии» и ориентировался начальник читинского оперативного сектора ОГПУ Я. А. Бухбанд, что, кстати, было очевидно и обвиняемым (см. Приложение 2). Основой для следствия стали показания агентов, завербованных ОГПУ среди арестованных. Обвинения, так же как и в «деле промпартии», предъявлялись преимущественно так называемым бывшим — дореволюционным чиновникам, предпринимателям, разорившимся после свертывания нэпа, и др. Новшеством же, привнесенным Бухбандом в данную схему, был преимущественно антицерковный характер процесса. Следуя схеме «дела промпартии», в руководители тайной организации читинский оперативный

сектор ОГПУ «назначило» помимо архиепископа Евсевия несколько человек, «привлеченных к ответственности ранее». Ими стали протоиерей Николай Любомудров, бывший чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Забайкальской области и гласный Читинской городской думы К. М. Стерьхов и доктор М. И. Кусакин¹⁰. Все мнимые руководители «контрреволюционной организации» были арестованы и осуждены ранее 1-й половины ноября 1930 г., когда начались массовые аресты по делу архиепископа Евсевия. Протоиерей Николай Любомудров¹¹ был расстрелян 26 ноября и Стерьхов (несмотря на то что от последнего ОГПУ получило все желаемые показания и «признания») к началу рассматриваемого процесса уже был приговорен к расстрелу (приговор впоследствии приведен в исполнение, точная дата неизвестна); Кусакин к началу ноября уже отбывал 10-летний срок в концлагере под Хабаровском¹².

Протоиерей Николай Любомудров, насколько можно судить по материалам следственного дела (даже с учетом того факта, что достоверность ряда свидетельств сомнительна), был монархистом и последовательным врагом большевиков. Об этом говорила его супруга О. П. Любомудрова: «Я знаю хорошо, что по политическим убеждениям мой муж Ник[олай] Вас[ильевич] был ярким монархистом, чего он в кругу близких знакомых, которым он безусловно доверял, не скрывал и хотел власть монарха, говоря о скорой гибели советов»¹³. Одна из обвиняемых, А. И. Лундстрем, дала примечательное свидетельство о воззрениях и интересах о. Николая: «Помню такой случай: отец Николай Любомудров в 1929 или 1931 году принес откуда-то много печатных листовок, в которых говорилось о падении Иерусалима и что-то еще, а что я не помню»¹⁴. Наконец, сам архиепископ Евсевий (Рождественский) во время допроса отчасти подтвердил то, что протоиерей Николай Любомудров был противником советской власти и не особенно старался это скрывать, отчего архиерей предостерегал о. Николая: «Замечания делал за резкие антисоветские его проповеди, которые доводили до слез верующих, и говорил, что надо быть осторожным. Исправляю: проповеди были не совсем резки, но неосторожного содержания по отношению к власти»¹⁵. С. Н. Любомудров, сын протоиерея Николая, на допросе сообщил, что «отец служил в поезде императрицы»¹⁶ (хотя и неясно, что под этим подразумевается). В епархиальных документах в послужном списке протоиерея Николая Любомудрова между 1917 и 1921 гг. нет никаких сведений. В 1917 г. он значится вторым священником Покровского собора города Камышлова, а 3 февраля 1921 г. назначен в Николаевский приход села Слюдянка Иркутской епархии¹⁷. Из показаний С. Н. Любомудрова становится понятным это перемещение: «Во время отступления колчаковских частей бежал вместе с матерью на восток, вернее, не бежал, а увезен. Отец, бывший в кавалерийском полку, прибыл в Иркутск, место нашего жительства, гораздо позднее (в декабре или январе месяце)... В 1920 году переезжаю вместе с отцом в поселок Слюдянку, куда он был назначен священником»¹⁸. Очевидно, что о. Николай Любомудров был полковым священником армии А. В. Колчака.

В декабре 1927 г. иерей Николай Любомудров перешел в клир Забайкальской епархии¹⁹. Между ним и Читинским епископом Евсеем (Рождествен-

ским) сложились доверительные, а вскоре и дружеские отношения. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что 26 апреля 1929 г. Преосвященный Евсевий назначил о. Николая Любомудрова духовником насельниц бывшего читинского Казанского женского монастыря. По инициативе архиерея о. Николай был возведен в сан протоиерея (21 марта 1929 г.)²⁰. Относительно этой награды протоиерей Василий Бенкогенов на допросе высказался так: «Было также у меня недоразумение с Евсеем по поводу возведения в сан протоиерея Любомудрова. Мне как благочинному Евсевий предложил представить Любомудрова к награде (сан протоиерея). Я же отказался это сделать, мотивируя это тем, что я Любомудрова мало знаю, что у меня нет данных к представлению Любомудрова к награде. Евсевий сам представил Любомудрова к награде... Сам Евсевий к Любомудрову относился хорошо, почему, мне неизвестно»²¹. В 1929 г. Владыка переехал в квартиру о. Николая, где ему была отведена комната²². Близость архиепископа Евсевия к священнику, антисоветски настроенному да еще с «белогвардейской» биографией, была настоящим подарком для ОГПУ, и протоиерей Николай Любомудров, уже расстрелянный, был назван «главным помощником»²³ Преосвященного Евсевия в «контрреволюционной» деятельности.

Константин Михайлович Стерхов, арестованный ранее, был фактически завербован ОГПУ и еще 18 мая 1930 г. дал против архиепископа Евсевия (Рождественского) следующие показания: «Его я посвятил в организацию в 1929 г., в конце или середине лета, когда он жил в квартире Кусакина²⁴. Посвящая в то, что я работаю в монархической организации, я полагал, что Евсевий будет полезным человеком для организации, сумеет вовлечь в это дело духовенство. Никаких лиц, кроме себя, не называл. Отнесся он так же, как Кусакин. От активной роли отказался, вернее, дал понять, что он, хотя и сочувствует изменению советской власти, но активно выступать не решается»²⁵.

Что же касается «контрреволюционной организации», то она читинским оперсектором ОГПУ была описана следующим образом: «Центр организации находился в гор[оде] Чите; организация имела филиалы в гор[оде] Нерчинске, в Нерчинском, Жидкинском, Шилкинском, Улётовском, Акшинском и Титовском р[айо]нах. Охватывала более 40 населенных пунктов... Организацией распространялись и изготовлялись листовки к[онтр]р[еволюционного] характера, листовки и воззвания религиозного, но по сути дела контрреволюционного содержания, литература монархического и антисемитского характера, полностью использовался церковный амвон, с которого члены организации попы говорили проповеди к[онтр]р[еволюционного] порядка в завуалированном виде»²⁶. Конечной целью этой мнимой организации, согласно обвинительному заключению, являлось «свержение власти советов вооруженным путем»²⁷. В обвинительное заключение чекисты внесли документы как советских ведомств, так и епархиальные, и даже материалы различных изданий, которые, с их точки зрения, свидетельствовали о контрреволюционной православной Церкви в Забайкалье. Здесь есть и обвинительное заключение в отношении протоиерея Сергея Старкова (впоследствии епископ Селенгинский Софроний) 1918 г., и ссылки на епархиальные постановления

периода Гражданской войны, брошюры того времени, молитва «О спасении России» и многое другое²⁸.

Прошедшие в 1-й половине ноября 1930 г. массовые аресты стали тяжелейшим ударом для Забайкальской епархии; в заключении оказались многие известные и деятельные священнослужители, что в условиях хронической нехватки духовенства²⁹ создавало огромные трудности для православной Церкви в Забайкалье. Из клира кафедрального читинского Михайло-Архангельского храма были арестованы кафедральный протоиерей Иннокентий Иванов, протоиерей Василий Бенкогенов, священник Иннокентий Громов, протодиакон Михаил Золотаев и диакон Борис Музыченко (все осуждены)³⁰. На этом этапе ОГПУ потребовался «двигатель» процесса, которым, по схеме «дела промпартии», должен был стать завербованный из числа арестованных агент, «разоблачавший» и себя, и других. На эту роль согласился сын расстрелянного протоиерея Николая Любомудрова Серафим Николаевич, также арестованный по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Точно определить, когда именно он согласился работать на ОГПУ, сложно. В материалах дела за декабрь 1930 г. имеются его показания о том, что ряд священно- и церковнослужителей и известных мирян были монархистами и часто собирались по разным поводам (на крестины или именины), причем «обязательно велись разговоры политического характера»³¹. Уже 9 января 1931 г. С. Н. Любомудров дал показания, что некоторые знакомые ему лица состояли в некоей «контрреволюционной организации»³². Очевидно, к этому времени он уже был завербован (о чем свидетельствует и его деятельность в качестве осведомителя, см. Приложение 2). Именно его показания стали главным основанием для осуждения арестованных. Но он был не единственным. Против своего отца, священника Иннокентия Громова, свидетельствовал 16-летний Михаил: «Тогда отец стал ругать соввласть, что плохо живет лишенцам и нет ничего у соввласти для всех. В присутствии меня он очень мало говорил, так как, по-видимому, боялся меня, но когда я начинал собираться уходить, то начинался разговор о советской власти»³³.

Одним из доказательств существования «контрреволюционной организации», по версии читинского оперсектора, было учреждение в конце 1928 г. при читинском Казанском кафедральном соборе сестричества. Оно осуществляло сбор средств на церковные нужды (в том числе собирало посылки для отправленных в лагеря или в ссылку священнослужителей)³⁴, заботилось о благоустройстве кафедрального собора и т. п. Эта деятельность, судя по всему, привлекала уже внимание ОГПУ, и относительно сестричества было заведено дело, прекращенное в связи с тем, что в начале 1929 г. епископ Евсевий (Рождественский) и приходской совет поспешили сестричество распустить. Впоследствии на допросе Преосвященный Евсевий во избежание обвинений в запрещенной для религиозных общин деятельности называл это сестричество «отделением приходского совета»³⁵.

Обвинение располагало «вещественными доказательствами» пропаганды арестованными антисемитизма. Из показаний, данных некоторыми обвиняемыми, видно, что по крайней мере некоторые читинские священнослужи-

тели и миряне были знакомы с имевшими широкое хождение в конце XIX — 1-й трети XX в. антисемитскими текстами. А. И. Лундстрем на допросе сообщила: «Сионские протоколы я читала у покойной игумении Мещериновой Анастасии, у которой частенько бывала. В этих протоколах были какие-то пророческие изречения, в которых говорилось о том, что деньги скоро не будут иметь цены, что в их руках будет вся печать и т. д... Стихотворение “Надежда” оставлено мне было каппелевцами, полковником Коньковым, которому тоже кто-то принес из военных. Оставлено Коньковым было еще стихотворение под заглавием “Сотворение жида”. Т[ак] к[ак] муж первый у меня был еврей, я это стихотворение сожгла»³⁶. К материалам дела приложены стихотворения аналогичного содержания: «Kit и жид» (авторство приписывается В. М. Пуришкевичу) и «Сотворение жида» (автор не установлен, текст написан, вероятно, в 1920-х гг. в Советской России, известен под разными названиями и в разных вариантах)³⁷. Необходимо, впрочем, отметить, что факты собственно пропаганды антисемитизма ОГПУ не были установлены, поскольку хранение соответствующих текстов само по себе не может быть признано пропагандой.

К концу января 1931 г., когда большинство мнимых участников «контрреволюционной организации» было арестовано, руководство читинского оперсектора приняло решение о привлечении к делу в качестве обвиняемого архиепископа Евсевия (Рождественского), в тот момент занимавшего викарную Шадринскую кафедру и управлявшего Свердловской епархией и Уральской церковной областью. Официальное распоряжение об аресте датируется 10 февраля 1931 г.³⁸, однако архиерей был задержан ранее, 22 января в Мариинске, и 7 февраля отправлен под конвоем в Читу³⁹. Арест архиепископа, по-видимому, рассматривался чекистами как один из ключевых моментов данного дела. К этому времени все арестованные были допрошены, но следствие, если не считать показаний завербованного ОГПУ С. Н. Любомудрова, не располагало достаточным материалом для предъявления обвинения. Представление о том, как мнимые члены организации оценивали происходящее, дает сообщение Любомудрова о разговорах в камере (см. Приложение 2). В этой ситуации многое зависело от того, сумеет ли ОГПУ получить нужные следствию показания от главного обвиняемого — архиепископа Евсевия.

В день прибытия Преосвященного в Читу, 9 февраля, не дав ему возможности отдохнуть после длительного пути, сотрудники ОГПУ провели 1-й допрос. На все вопросы архиепископ Евсевий дал четкие ответы, отказавшись признать свое членство в «контрреволюционной организации»: «Ни к какой контрреволюционной организации не принадлежал и не принадлежу, советскую власть признавал, и признаю, и подчиняться ей подчинялся, и подчиняюсь; к власти относился и отношусь лояльно, стоя на почве Декларации Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и известного его интервью... Разговоры о политике в моем присутствии иногда велись, но лично я предпочитал таких разговоров не поддерживать; специальных разговоров о политике не вел... Ввиду усталости с пути и позднего времени, не евши не пивши целый день, дальнейшие показания давать не в состоянии»⁴⁰.

Архиепископ Евсевий ранее был судим за «противодействие изъятию церковных ценностей», в 1923–1925 гг. отбывал срок в концлагере⁴¹ и, похоже, имел ясное представление о методах ОГПУ и о том, как следует себя держать. На следующие сутки он представил пространные письменные объяснения: «В беседах при мне высказывалось недовольство соввластью и иногда ожидание падения власти, причем новая форма власти мыслилась и неодинаково, и неопределенно: то республика буржуазная, то монархия конституционная, то просто какая угодно власть вместо соввласти. На подобные разговоры в моем присутствии я смотрел иногда как на провокационные, обычно же как на обывательские. В первом случае я предпочитал уклоняться от беседы; во втором случае, т. е. при обывательских разговорах, я не придавал таким беседам особого значения и смотрел на лиц, ведущих такие беседы, как на не сумевших забыть еще старый режим и всецело примириться с новым режимом и занимающихся самоутешением и самообольщением... С... Е. Н. Кемпкевич, А. Иак. Лундстрем, Ин. Ник. Ивановым, Ник. Вас. Любомудровым я знаком лично, о чем заявлял и на первом допросе, но о том, что эти лица являются членами контрреволюционной монархической организации, я слышу впервые»⁴². Далее показания Владыки приобрели, на мой взгляд, определенно иронический характер: «Я, когда обращали мое внимание на тот или иной факт, невыгодный для власти и подогревающий в ком-либо надежду на перемену власти, обычно... указывал на успехи социалистического строительства, могущество и политическую сознательность Красной Армии и превосходство советской дипломатии»⁴³. Нетрудно заметить, что архиепископ Евсевий перечислил клише из ведущих советских газет того времени; такое нагромождение пропагандистских штампов, естественное для речи комсомольского активиста, в устах архиерея выглядит как насмешка (кстати, типичная для показаний Преосвященного, см. ниже). На следующий день, очевидно, архиепископу Евсевию было сообщено о том, что о его «контрреволюционной деятельности» свидетельствует С. Н. Любомудров. В ответ Владыка заявил: «Ввиду моего малого знакомства с Серафимом Любомудровым я вообще не мог беседовать с ним в такой плоскости, как это ставится обвинением. При подобных случаях, когда мне приписываются слова и речи, которых я не произносил и которые, если не выдуманы, произнесены, быть может, кем-либо другим, я просил бы делать очные ставки»⁴⁴.

В этот момент с архиепископом Евсевием начал работать начальник Читинского оперативного сектора Я. А. Бухбанд. Он лично провел очную ставку между Преосвященным и С. Н. Любомудровым, во время которой последний «подтвердил», что архиепископ Евсевий был главой «контрреволюционной организации»⁴⁵. Скорее всего, именно лжесвидетельство Любомудрова (которое не могло не шокировать архиерея, если учесть, каковы были отношения между Преосвященным и протоиереем Николаем Любомудровым) и повлияло главным образом на то, что архиепископ Евсевий решил «признаться» в том, что о существовании мифического антисоветского общества он «знал». 16 февраля он дал следующие показания: «В декабре 1928 г. Стерехов (Стерхов.— Д. С.) впервые упомянул в беседе со мной, что суще-

ствуем в Чите монархическая организация. Я отнесся к известию скептически, указывая, что при совласти никаких подпольных организаций не может быть, так как бдительность и зоркость многомиллионноглазого ОГПУ изумительны»⁴⁶ (здесь ирония уже неприкрытая!). По мнению В. И. Василевского, «признание» архиепископа Евсевия было тактическим ходом: в качестве членом тайной организации он называл либо уже казненных людей, либо тех, кто был приговорен к расстрелу (Стерхов)⁴⁷. Никого из священнослужителей или мирян Забайкальской епархии Владыка в качестве «заговорщиков» не назвал, кроме тех, кто уже были расстреляны. Тем не менее признание архиепископа Евсевия о том, что он знал о «монархической организации», было существенным достижением Читинского «оперсектора» и лично Бухбанда. Можно предположить, что чекисты попытались скомпрометировать архиепископа Евсевия в глазах других арестованных. Однако это не удалось⁴⁸.

К весне 1931 г. у читинского оперсектора не было ни одного вещественного доказательства какой-либо «антисоветской» и «контрреволюционной» деятельности. Пытаясь хотя бы чем-то восполнить этот пробел, следователи дотошно выясняли, зачем была сделана в комнате Преосвященного Евсевия (в квартире протоиерея Николая Любомудрова) двойная перегородка и двойная дверь⁴⁹. Впрочем, все это было уже не важно, поскольку основой для обвинения стали в соответствии с эталоном «дела промпартии» «саморазоблачения» Стерхова и Любомудрова и признание архиепископом Евсеем факта существования «монархической организации».

Первые приговоры по данному делу Особая тройка полномочного представительства ОГПУ Восточно-Сибирского края вынесла в конце марта 1931 г., последние — в конце ноября того же года⁵⁰. Архиепископ Евсевий (Рождественский) был приговорен к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества⁵¹. Читинские кафедральные клирики также получили различные сроки, приговоренных к расстрелу среди них не было: кафедральный протоиерей Иннокентий Иванов был осужден на 3 года концлагеря⁵², протоиерей Василий Бенкогенов, протодиакон Михаил Золотаев и диакон Борис Музыченко — на 5 лет ссылки в Нарымский край, священник Иннокентий Громов — на 5 лет лагеря⁵³. Некоторые епархиальные клирики были приговорены «к высшей мере социальной защиты — расстрелу»: священники Василий Демидов, Стефан (Степан) Балясников, и др. Были вынесены смертные приговоры и некоторым мирянам⁵⁴. С. Н. Любомудров, активно работавший на ОГПУ, получил сравнительно «мягкий» приговор — 3 года лагеря⁵⁵. Дальнейшие судьбы осужденных в ходе данного процесса, за исключением архиепископа Евсевия, неизвестны. Преосвященный Евсевий, находясь в заключении, был обвинен в создании «группировки служителей религиозного культа» и ведении «контрреволюционной агитации», 28 октября 1937 г. приговорен к расстрелу⁵⁶.

На мой взгляд, можно без преувеличения сказать, что читинский процесс 1930–1931 гг. обезглавил Забайкальскую епархию, поскольку были осуждены почти все известные и деятельные клирики (многие из них, например протоиерей Василий Бенкогенов, играли видную роль в церковной жизни

Забайкалья еще до 1917 г.). Показательно, что после вынесения приговоров тогдашний правящий архиерей Забайкальской епархии епископ Марк (Боголюбов) не стал даже назначать нового настоятеля кафедрального храма, взяв исполнение соответствующих обязанностей на себя⁵⁷. 30 апреля 1931 г., Преосвященный Марк отмечал: «Количество нормально функционирующих приходов сократилось почти в пять раз»⁵⁸. Подавленность и страх, сопровождавшие жизнь православных верующих в СССР, многократно усилились вследствие репрессий. В сообщении протоиерея Александра Пляскина епископу Читинскому Марку от 4 июля 1931 г. говорилось о прихожанах: «Стесняются... ходить в храм к церковным богослужениям во избежание якобы насмешек от неверующих людей и из ложного страха, что за веру могут арестовать или выслать в отдаленные места... Душевное настроение верующих в общем угнетенное и многие из них ожидают ареста или высылки»⁵⁹. Несмотря на усилия, которые предпринимали православные верующие в Забайкальской епархии, пережить гонение рубежа 1920-х и 1930-х гг. епархия не смогла. В 1936 г. она была упразднена, восстановлена лишь в 1994 г., спустя 100 лет после своего первоначального учреждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Евсевий (Рождественский) возглавлял Забайкальскую епархию в 1927–1930 гг., первоначально в сане епископа, с 27 марта 1930 г. архиепископ.
- ² Архив регионального управления ФСБ по Читинской области (ныне Забайкальский край) (далее — Архив РУ ФСБ), ЧУ–4024, № 621-30 («По обвинению Рождественского Евсафия [Евсевия] Петровича и других — всего 238 чел[овек]»), т. 10, л. 3.
- ³ Там же, л. 1.
- ⁴ *Василевский В. И.* Главный обвиняемый — епископ Забайкальской епархии Евсевий // Пятое Иннокентьевские чтения: Материалы научно-практической конференции. Чита, 2002. С. 147–151.
- ⁵ *Саввин Д. В.* Гонения на православие и раскольниковство в Читинско-Забайкальской епархии (1920-е — начало 1930-х гг.) // Православное Забайкалье: Учебное пособие. Чита, 2004. С. 227–239; *он же.* Читинско-Забайкальская епархия в 1917–1936 гг. // Православие в Забайкалье: история и современность: Сборник статей, посвященных 110-летию учреждения Забайкальской епархии и 10-летию возрождения Читинско-Забайкальской епархии. Чита, 2004. С. 28–35.
- ⁶ Архив РУ ФСБ, ЧУ–4024, № 621-30, т. 10, л. 1.
- ⁷ *Саввин Д. В.* Евсевий (Рождественский) // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 274.
- ⁸ Государственный архив Читинской области (ныне Забайкальского края; далее — ГА ЧО), ф. Р–422, оп. 1, д. 48, л. 36.
- ⁹ Архив РУ ФСБ, ЧУ–4024, № 621 (по обвинению В. Т. Сивова, П. А. Михайлова и других; начато 15 ноября 1930 г.), т. 8, л. 172.
- ¹⁰ Там же, № 621-30, т. 10, л. 3; *Василевский В. И.* Указ. соч. С. 150.
- ¹¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 5, л. 985.
- ¹² Архив РУ ФСБ, ЧУ–4024, № 621-30, т. 10, л. 3.
- ¹³ Там же, № 621, т. 8, л. 68.
- ¹⁴ Там же, л. 117.
- ¹⁵ Там же, № 621-30, т. 10, л. 19.

- ¹⁶ Там же, № 621, т. 8, л. 166.
¹⁷ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 5, л. 985.
¹⁸ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621, т. 8, л. 31.
¹⁹ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 5, л. 951.
²⁰ Там же, л. 976, 951.
²¹ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621, т. 8, л. 100–101.
²² Там же, л. 52, 172.
²³ Там же, № 621-30, т. 10, л. 19.
²⁴ Никаких других свидетельств о том, что Преосвященный Евсевий жил в квартире М. И. Кусакина, нет.
²⁵ *Василевский В. И.* Указ. соч. С. 150.
²⁶ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621-30, т. 10, л. 3.
²⁷ Там же, л. 1.
²⁸ Там же, л. 4-5; № 621, т. 8, л. 318–321, 432.
²⁹ См., например: ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 5, л. 358.
³⁰ Там же, д. 60, л. 24.
³¹ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621, т. 8, л. 43.
³² Там же, л. 61.
³³ Там же, л. 259.
³⁴ Там же, л. 117.
³⁵ Там же, л. 304–308.
³⁶ Там же, л. 117.
³⁷ Там же, л. 119а – 119б.
³⁸ Там же, л. 266.
³⁹ *Саввин Д. В.* Евсевий (Рождественский). С. 275.
⁴⁰ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621, т. 8, л. 272.
⁴¹ *Саввин Д. В.* Евсевий (Рождественский). С. 273.
⁴² Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621, т. 8, л. 276.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же, л. 281.
⁴⁵ Там же, л. 283.
⁴⁶ Там же, л. 304.
⁴⁷ *Василевский В. И.* Указ. соч. С. 150.
⁴⁸ Там же. С. 149; см. также: Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621, т. 8, л. 304.
⁴⁹ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621, т. 8, л. 68, 172.
⁵⁰ Там же, № 621-30, т. 10, л. 269–468.
⁵¹ Там же, л. 430.
⁵² Там же, л. 327. Приговор вынесен 17 ноября 1931 г. Однако в епархиальных документах за декабрь того же года указано, что протоиерей Иннокентий Иванов был осужден на 10 лет ссылки в Нарымский край (ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 60, л. 24). Чем объясняется такое расхождение (относительно других осужденных клириков разночтений нет), неясно; возможно, приговор был изменен.
⁵³ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621-30, т. 10, л. 269, 315, 385, 293; ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 60, л. 24.
⁵⁴ Архив РУ ФСБ, ЧУ-4024, № 621-30, т. 10, л. 305, 271, 269–468.
⁵⁵ Там же, л. 371.
⁵⁶ *Саввин Д. В.* Евсевий (Рождественский). С. 275.
⁵⁷ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 60, л. 24.
⁵⁸ Там же, д. 48, л. 116 об.
⁵⁹ Там же, д. 5, л. 838.

**1930 г., декабрь — Показания
протоиерея Петра Булгакова¹**

Проживая в селе Могзон с 1913 г., я исполнял должность священника православной церкви и с 1925 г. обязанности благочинного. Жалования получал до отделения Церкви от государства от казны 100 руб[лей] в месяц, а после отделения Церкви от государства в 1920 г. в феврале–марте я получал содержание от общины верующих. Плата была в разное время разная, начиная от пуда муки на едока и последнее время 15 руб[лей] в месяц, от получения которых я добровольно отказался, так как это жалование меня не удовлетворяло и вызывало недоразумения по сбору этих сумм. Кроме жалования я пользовался доходами от исполнения треб, плата за которые от верующих была не установлена, кто сколько даст. В это же время я сам сеял огород и зерновых культур в общей сложности не больше $\frac{1}{4}$ десятины, вспашку земли и ее обработку нанимал за деньги за наличный расчет, косил ежегодно сено, где часть[ю] принимал участие лично и частью за наличный расчет нанимал. Землей до 1930 г. я пользовался как пахотной и сенокосной на правах члена зем[ельного] об[щест]ва бесплатно, за исключением общих налогов.

Община верующих, в данный момент которую я обслуживаю, состоит из 112 чел[овек], из коих дворов 60 с семьями, остальные одиночки, церковный совет оформлен. Председателем церковного совета [является] женщина — Полянская Ксения Ивановна. Должность и обязанность церковного старосты и казначея исполняет женщина — Колпакова Анна Павловна. Обе неграмотные.

Моя семья в данный момент состоит из меня и моей жены. Дети: старший сын Алексей учительствует в городе Чита, второй сын учительствовал в Малетинском районе, Вениамин, в данное время службу оставил и уехал во Владивосток, и Галина учительствует в Оларском аймаке М[онголо]-Б[урятской] Республики.

Церковь, в которой исполняла рел[игиозные] обряды религиозная община с. Могзон, закрыта 7 октября 1930 г. В этот момент 7.11.1930 г. церкву закрыли, мы с общиной верующих считали, что закрытие произошло неза-

конно и возбудили ходатайство перед ВЦИК, но ответа не получили. Все культовое имущество нами передано целиком, здание церкви куда используется в настоящее время, я сказать не могу, так как мне это очень трудно переживать и я не интересуюсь этим вопросом. Знаю, что крест не снят с храма, когда прохожу мимо, перекрещусь и ухожу.

16 марта 1930 г. я был арестован, и со мной еще 16 человек, читинским окр[ужным] отделом ОГПУ. Я просидел там до 6 мая, меня выпустили. Меня обвиняли в агитации против колхозного строительства в Могзоне, якобы вследствие нашей агитации получился массовый выход из колхоза, но нас не судили и выпустили.

С гр[аждани]ном Харчевниковым Семеном у нас отношения безразличные, ссоры с ним никогда не было, и плохих отношений у нас не было. [С] гр[аждани]ном с. Могзон Хилокского района Рыковым Петром Петровичем у меня взаимоотношения безразличные, я ни дружбы, ни ссоры с ним никогда не имел. Как они, Рыков и Харчевников, живут между собой, не знаю. Рыков Петр у меня в доме никогда не бывал, я у Рыкова Петра был в доме 7 января 1930 г., заходил с крестом, но самого Рыкова дома не было. Больше я у Рыкова в доме не бывал и с ним встречался один раз мимоходом около совхоза, не помню, какое это время лета 1930 г., но с ним я не остановился и не говорил. Харчевников Семен ко мне в дом тоже никогда не заходил, я его не вызывал, да я был у Харчевникова в доме 8 января 1930 г., проходил с крестом, больше к нему я никогда не заходил. Встреча с Харчевниковым была только одна: у Писаренковой Настасии в бане, приходили мыться. Каких-либо разговоров на политическую тему у нас не было, он сразу из бани ушел, а я мылся.

23 февраля 1930 г., когда проходил митинг о закрытии церкви, в Могзоне в моем доме был кто или нет, я не знаю. 7 октября 1930 г., когда происходило закрытие церкви, я сидел, арестованный могзонским милиционером, за то, что отказался выдать ключи от церкви. Но из-под ареста меня водили в церковь и тут же освободили из-под ареста. Я проходил и видел, что один колокол лежал на дороге, я в это время сходил домой, принес опись имущества и присутствовал при передаче имущества, пока последняя закончилась. После всего мы собрали церковный совет, на котором писали протест по закрытию церкви, на собрании присутствовало около 41 (?) челов[ека]. Точно не помню, но из мужчин был только я, остальные все женщины. Я лично составлял этот проект, а они обсуждали этот протест и увязывали его с законом. Потом, через день, что ли 9–10 октября 1930 г., мы протест послали. Ко мне в дом никогда каких-либо заседаний, даже частных бесед, не собиралось. Были единичные случаи, когда зайдет кто-либо из верующих, побеспокоится, как дело с церковью, ему расскажешь, и он уйдет. Кто именно ко мне заходил по таким вопросам, не помню. У меня в доме, за исключением заседаний церковного совета, и то в 1929 г., когда я был председателем церковного совета, не было. Никаких ни случайных бесед, ни организованных собраний по вопросам политики сов[етской] власти в моем доме не было, политикой я вообще не занимаюсь, читаю газету «Известия ВЦИК».

**1931 г., 31 января — Дополнительные показания
С. Н. Любомудрова²**

Находясь в камере № 9 вместе с другими заключенными, как то: Бенкогенов В. В., Музыченко Б. Л., Игнатъев И. Е., Митрофанов П. М., Исаев П. П., Солис В. Д., Яковлев Р. И., Бельтиков, Союзов В. И., Золотаев М. А., слышал разговоры следующего порядка. Прежде всего, когда в камере мы очутились все вместе, были выражения удовольствия по поводу того, что публика подобралась вся «своя», что можно чувствовать себя свободнее и что это счастливая случайность (И. Е. Игнатъев).

После первого же допроса Б. Л. Музыченко сказал, что «ничего не нужно говорить», а М. А. Золотаев выразил мнение, что «берут на пушку». При этом П. М. Митрофанов начал заверять, что это не больше, как дело «промпартий», что никакая организация не существовала и не существует, а создается это все искусственно, что сюда собирают лучших людей, все равно-де в пятилетку нас всех ликвидируют. П. М. Митрофанов проводит также мысль, что не нужно говорить один о другом, т[ак] к[ак] это создает прецедент для дальнейших разговоров и недоразумений. Он говорит, что всего и не запомнишь, что и с кем говоришь.

Когда мною было сказано в камере, что меня «прижали» и что деваться некуда, пришлось все рассказать, В. В. Бенкогенов первый заявил, что это, пожалуй, «слишком много сказано». Т[ак] к[ак] я, например, не бывал у Григорьевых и в других местах и не мог знать всего, что говорилось, с чем я сразу же согласился и сказал, что отвечаю только за слышанное мною и говоренное в моем присутствии. Бенкогенов говорил тоже, что всего не упомнишь и что для этого нужна память. После моего такового заявления он насторожился еще больше (хотя и до указанного выше момента он больше молчал).

Придя с последнего допроса, он говорил, что его сделали «руководителем» организации, которой не существовало и не существует. Говорил также и о том, что он желал бы приезда еп[ископа] Евсевия, который установил бы и непричастность к этому делу. Бенкогенов говорит также, что

«теперь научились ходить по именинам» и что в дальнейшем его туда не заманишь калачом. Участие в разговорах, которые ведутся неуловимым шепотом, Бенкогенов принимает участие с Золотаевым и редко с И. Е. Игнатьевым.

Больше всего о «несуществующей» организации по образу и подобию промпартии говорит Митрофанов, который после указанного мною выше заявления о признании сказал, что «вот так-то и создается дело — один на другого наговаривают». Б. Л. Музыченко, когда я с ним имел разговор на указанную выше тему, сказал, что он убежденный людей не знает, так как для этого нужно очень много, «а мы с тобой, — говорит он, — только еще начинаем жить». На мое упоминание на убеждение моего отца Н. В. Любомудрова, которые ни в коем случае не могли ускользнуть от внимания имевших с ним общение, он, Музыченко, ответил, что «Бог его знает — на языке может быть одно, а на душе может быть другое». В дальнейшей беседе Борис Лукьянович высказался, что «разоружаться» — это значит говорить, а говорить — значит говорить на других людей. В общих беседах в камере он высказывается, что все это «пустяки» и что «будь, что будет», в каком-то убеждении присутствующих все время поддерживает.

П. М. Митрофанов: «Я смотрю, что на все судьба и что без судьбы ничего не делается», в каком месте он начинает указывать на факты из своей биографии, где он благополучно избегал опасности. И. Е. Игнатьев, делаясь мнениями по поводу допросов, говорит: «Что же я скажу, когда я ничего не знаю и ни в какой организации не был». Мнение остальных о «дутости» процесса поддерживает. «Все разговоры с батюшками всегда только и были о церковных делах», в то время как мне известно, что у него, Игнатьева, в Харбине, кажется, в банке есть нетронутые средства и что отец мой, возвратившись однажды от него, передал разговор следующего содержания: «Привел бы Бог дожить до лучших дней, я бы снова начал свое дело, — где он и обещал отцу о вышеуказанном. Не выражая большого сожаления о том, что скоро «перевернется», он всегда отвечал, что «дай-то Бог». В дальнейших разговорах в камере он говорит, что всех собрали «ни за что», что просто мучают людей.

Исаев П. П. на мой вопрос, как он думает, отвечает, что «они великолепно знают о нас. Это можно еще человека лет в 20–25 перевоспитать (может перевоспитаться), а нас уже не переделаешь. Они знают наши мысли, что мы с ними не пойдем» и т. д. в этом же духе. Говорит мало. В первый мой разговор с ним он сказал, что как будто бы ничего быть не может, т[ак] к[ак] он нигде не замешан и даже снят с учета белых офицеров в 1926 г., и что о нем и по службе дадут хороший отзыв.

Р. И. Яковлев после первого допроса, когда он попал в камеру, сказал мне: «Спрашивали про отца Николая, я ответил, что едва знаком и разговор никаких о нем не имел. Это я так показываю, вообще же, я, конечно, с ним знаком». (Я лично с Яковлевым не был знаком и у нас его не видел.) Вышеуказанное сообщение он сделал после того, как познакомился со мной. «О духовных лицах я даю самый лестный отзыв, что их злит, и мне

повышенным тоном заявляют, что они все “заговорщики”. Мнение о исканиях «несуществующей» организации поддерживает.

В. И. Союзов после одного из допросов, сказал, что «он решил действовать начистоту и рассказывать все, что даже думал сделать». Эффекта на остальных заявление не произвело, т[ак] к[ак] было встречено молчанием. В настоящее время В. И. о своем деле не говорит, много рассказывает из своей жизни и на темы научного ха[рактера]. Солис В. Д. делится мнениями с Яковлевым (не знаю о чем, но по существу... дела ничего не говорит).

**Январь 1931 г. — Из дополнительных показаний
И. Н. Иванова³**

Мне известно как бывш[ему] секретарю епископа Евсевия, что к нему по делам церковной службы являлись многие из духовенства из сел и городов Забайкальской епархии. Кто именно являлся, всех припомнить не могу... За недостатком священнослужителей в епархии перед еп[ископом] Евсеем стоял вопрос о привлечении лиц к церковной работе, поэтому неоднократно благочинным и отдельным общинам письменно предлагалось подыскивать кандидатов на священнические места из мирян, причем разъяснялось, что по нужде могут быть рукоположены лица без систематического богословск[ого] образования, лица только хорошо грамотные... могущие проводить порядок церковной службы. За время служения еп[ископа] Евсевия было рукоположено во священники и диаконы примерно 25 лиц, из мирян рукоположены Дмитрий Малаев, Иосиф Блинников, Евдоким Медведчиков, Никита Радаев, Дмитрий Селезнев; в диаконы — Петр Нецын и Алексей Жильцов, Иннокентий Матафонов; из обновленческого духовенства рукоположены Иосиф Селезнев, Балясников, И. С. Пляскин. Всех рукоположенных припомнить не могу...

Среди читинского духовенства был наиболее близким к епископу прот[оиерей] Любомудров, который посещал его вне приемного времени и в то время, когда приемы прекращались, ходил с ним в баню и исполнял личные его поручения. Затем о. Иннокентий Громов кроме служебных поручений иногда призывался помогать, например, при устройстве квартиры, при переноске вещей. Близок был к нему и Борис Музыченко как его воспитанник, которого он обучал регентскому делу и заботился об его устройстве, даже о его женитьбе, которого он рукополагал во диаконы. Знаю, что еп[ископ] Евсеев бывал довольно часто у Кусакиных, например по поводу семейных торжеств, почти ежедневно бывала у епископа Неонила Кусакина...

Вопросом, почему еп[ископ] Евсеев жил отдельно, один, только в квар-

тире при Казанском соборе (особняке) и затем по переезде в дом Васильева устроил изолированную комнату с двойными перегородками и двойными дверями, я никогда не задавался. Сейчас полагаю, что это он делал из склонности к уединению и вообще странности его натуры, а в частности, в квартире Любомудрова для того, чтобы жизнь семьи Любомудрова, у которого, возможно, бывали гости, его не беспокоила, кроме того и для той цели, чтобы не слышны были разговоры во время приема им разных лиц.

Во время управления епархией еп[ископом] Евсевием возникал вопрос об организации в гор[оде] Нерчинске староцерковнич[еской] общины. Дело это не шло далее разговоров; при этом возникал вопрос и о том, как отнесется к этому делу нерчинское обновленческое духовенство... С протоиереем Любомудровым я не был близок. Вообще, он в нашем причте был чужаком, против его назначения был в свое время причт и совет, он был назначен к нам еп[ископом] Евсевием против нашего желания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив РУ ФСБ по Читинской области (ныне Забайкальский край), 15634–П, № 2 (по обвинению П. А. Булгакова и других, всего 3 человека); начато 26 ноября 1930 г.), л. 45–46.
- ² Там же, ЧУ–4024, № 621, т. 8, л. 247.
- ³ Там же, л. 172.